

ЧЕЛОВЕК МЕЖДУ СВОБОДОЙ И НЕОБХОДИМОСТЬЮ**Трунова С.В.****научный руководитель д-р. филос.наук Омельчинко Н.В.***Сибирский федеральный университет*

Человек – одна из наиболее сложных проблем в философии и науке. Особенно это стало очевидно со становлением классической науки, которая очерчивает свои объекты законами математики с целью прогнозирования их развития. В науках естественных это прекрасно удается, хотя и там имеется понятие погрешности, которая, как правило, незначительна, а потому практически не влияет на заявленный результат. В социальных же науках сама предсказательная способность намного ниже, и погрешность бывает так велика, что результат не совпадает с заранее объявленным значением. Несовершенство видят, как правило, в методах предсказания и моделирования. Но вопрос, видимо, должен стоять иначе: возможно ли вообще математически или иными рациональными способами описать человеческое поведение таким образом, чтобы эти описания имели предсказательную силу?

Известным решением этой проблемы стало неокантианское разделение наук на науки о духе (человеке, культуре) и науки о природе. Было провозглашено принципиальное отличие наук о культуре: объектом их исследования является «понятие единичного бытия во всей его особенности и индивидуальности, которое и образует противоположность понятию общего закона»[1].

Однако следует отметить, что параллельно, в лице Дюркгейма, существовала диаметрально противоположная точка зрения. В некотором смысле он был учеником О. Конта и унаследовал его позитивистскую интерпретацию социологии как науки о человеке, которая в идеале по своей точности не должна уступать естественным наукам. В своей работе «Самоубийство» он заявляет, что, несмотря на то, что, казалось бы, самоубийство – дело личного выбора, при переходе на общественный уровень эти цифры при одинаковых условиях будут соответствующими, т.е. общественное движение столь же закономерно, как и движение физическое, а человек – безличный «атом».

Фактически в начале XX века при ответе на вопрос о возможности изучения человека методами естественных наук сложились два противоположных подхода. В них прослеживается одна из основных проблем: человек одновременно является субъектом и объектом изучения. Неокантианство делало упор на человеческую субъективность, тогда как для социологии Дюркгейма человек выступает лишь как объект.

Неправомерность отношения к человеку только как к объекту была вновь поставлена Гуссерлем как проблема в эпоху «кризиса европейских наук». Социология представляет человеческое поведение как оформленное по некоторым законам, а потому вполне предсказуемое, но только на уровне общностей, где человек – безличная абстракция, только объект. Как я могу воспринимать самого себя как безличную абстракцию? По логике Дюркгейма, выходит, что даже самоубийство мне не подвластно: я, конечно, могу его и не совершать, но тогда его совершит кто-то другой. Можно сказать иначе: если самоубийство не совершил кто-то, то это буду обязан сделать я. Общество – структура, в которой я, как обезличенная единица, необходимо буду «обязан» сделать то, что отказались другие, так же, как и другие должны сделать нечто за меня.

Именно против такого подхода к человеку взбунтовался Э. Гуссерль. Человек прежде всего обнаруживает собственное восприятие и через него – самого себя.

Человека нельзя изучать методами математики, той галилеевской рациональностью, которая привела все науки к кризису. Феноменолог должен всегда начинать с себя, а не с общества, и сама феноменология, как точная философская наука, не обладает и не может обладать предсказательной способностью.

Для себя человек всегда открытие – этот тезис разделяет не только Гуссерль, но и экзистенциализм. Хайдеггер подхватывает мысль Гуссерля: человек обладает только вот-бытием, он есть здесь и сейчас как «просвет бытия», и уж никоим образом он не владеет своей будущностью; невозможно знать, как повернется завтра бытие.

Сартр проводит эту же мысль, но с упором на самодеятельность субъекта. Человек – существование, а не сущность. Я не ощущаю себя частным случаем безликого человека, его понятия. Я – «проект, который переживается субъективно». И если вспомнить рассуждения о самоубийстве в социологии Дюркгейма, то противопоставить ему можно Кириллова из «Бесов» Достоевского. Его самоубийство – величайший акт своеволия, который остро переживался им самим. Он сделал это не в угоду необходимости, но против нее. По собственному заявлению Кириллова, страх смерти – величайший инстинкт, закрепощающий все живое, и тот, кто сможет противостоять ему – будет величайшим человеком в истории.

Подобный пример можно привести и из «Записок из подполья», где главный герой способен восстать даже против математической необходимости: он отказывается от того, что $2 \times 2 = 4$. Он восклицает, что, вот, по его желанию это будет 5. У Достоевского человек восстает против самой рациональности и законосообразности в ее предельном проявлении – математике.

Действительно, произведения Достоевского иллюстрируют бунт человека против необходимости. Но это бунт личный, индивидуальный. И в рамки той же социологии Дюркгейма он вполне укладывается. Но протест совершенно иного рода изображает А. Камю в работе «Бунтующий человек». Его человек не восстает только для себя. Бунт человека происходит вследствие того, что человек «протестует против удела, уготованного ему как представителю рода человеческого»[, 135с.]. Иначе говоря, человек бунтует, потому что его существование не соответствует его представлению о человеке, т.е. человек согласен скорее находиться в состоянии борьбы, чем в подчинении у необходимости, которая им осознана, как таковая. В рамках истории это понять легко: раб восстает против господина. Однако человек не останавливается на этом. Наиболее предельная необходимость – смерть, но человек восстал и против нее: его бунт вылился в искусство, где человек становится бессмертным.

Такой переход от проблемы субъективности знания к проблеме бунта против необходимости не случаен, поскольку они тесно связаны. Дело в том, что изучение человека с целью смоделировать его поведение непреложным образом налагает на него определенные рамки, против которых, как против необходимости, он может восстать. Другими словами, человек не борется с необходимостью, о которой не имеет понятия, но если ему указать, какими качествами он обладает и как должен себя вести, то он сознательно может вести себя иначе, в угоду своеволию. Чтобы иметь достоверное знание о человеке, тот не должен иметь представления о результатах собственного изучения, т.е. должен оставаться только объектом изучения. Чем по сей день и пользуется, к примеру, социология, производя мониторинг той или иной группы населения. Но группа населения не представляет человека вообще. Такие исследования не дают понимания человека так как, во-первых, исключают часть людей из исследования, а во-вторых, не учитывают человеческой субъективности. Обе проблемы можно решить разом: исследователям достаточно включить в исследования самих себя. Мысль эта не нова, ее высказал еще Гуссерль, рассуждая о роли и смысле психологии и психолога. Но дальше он не пошел. Однако из нее можно сделать ряд выводов, ему не

ведомых (или не интересовавших). Всякий раз, когда человек будет создавать знание о себе, он сам же и будет делать его ложным, так как знает его и воспринимает как необходимость, – это верно и в отношении изучения знания о человеке. В итоге получается, что это знание – ни для исследователя и ни для изучаемого: оно ни для кого. Таким образом, отвергается любая претензия на производство всеобъемлющего знания о человеке, и даже вся эта работа оказывается бессмысленным занятием. Мы не можем получать знание о человеке по лекалам естественных наук, по образу той галилеевской рациональности, которая предполагает полную законосообразность, математичность и предсказательную силу.

Подводя итог этим рассуждениям можно сказать следующее: так как человек является одновременно и субъектом, и объектом изучения, то знание о нем может обладать математической точностью только *post factum*, что и реализуется в истории. Исходя же из некоторых линий развития ее, мы можем рисовать поле вероятности поведения человека *ante factum*, которое будет претендовать на истину, поскольку не накладывает на него рамок необходимости.

Список литературы:

1. Гуссерль, Э Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология/ Э. Гуссерль. – СПб.: Наука, 2013. – 494с.
2. Достоевский, Ф. М. Бесы/ Ф.М. Достоевский. - М.: Эксмо, 2012 - 768с.
3. Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд/ Э. Дюркгейм Пер, с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова.—М.: Мысль, 1994.— 399с.
4. Камю, А. Бунтующий человек/ А. Камю. – М.: Политиздат, 1990. – 415с.
5. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре [электронный ресурс]/ Г. Риккерт – точка доступа http://philosophy.ru/library/rickert/k_n.html